

Хасан Туркаев

СОБЫТИЯ последнего десятилетия в Чечне затмили нашу память о былых дружеских отношениях русских и чеченцев, взаимовлиянии их культур. Это трагедия не одного только чеченского народа: метастазы отчуждения и недоверия все сильнее пронизывают организм нашего общества. Настало время освежить добрую память народов, веками живущих рядом.

Овлур, герой «Слова о полку Игореве», — прообраз нынешних вайнахов, по мнению известных исследователей. Начиная со «Слова о полку Игореве» складывалась система взаимоотношений двух культур. Наиболее ярко этот процесс шел в творчестве русских писателей XIX века, и прежде всего тех из них, чьи судьбы были сопряжены с Кавказом.

Пушкину первому было дано отобразить отношения доверия и уважения, начавшие возникать между Кавказом и Россией. Им найдена глубинная суть нравственного мира горцев, непривычного для русского восприятия того времени. «... С легкой руки Пушкина, — писал Виссарион Белинский, — Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем... И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...»

О вдохновляющем воздействии Кавказа писал, например, и Михаил Лермонтов в своем письме Сергею Раевскому: «Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом...»

Пушкин, Лермонтов, Белинский всколыхнули умы. Любовь к Кавказу, глубокий интерес к особенностям жизни горцев нашли свое новое отражение в творчестве Льва Николаевича Толстого. После гибели Лермонтова и до приезда Толстого в Чечню прошло 10 лет. Это были сороковые годы, годы нового подъема русской демократической мысли, годы борьбы за освобождение крестьян. Борис Эйхенбаум писал: «... Толстой, при всем своеобразии своего умственного развития, своих традиций, навыков и положений, — все же человек, прошедший через идейную школу 40-х годов и впитавший «дух» этого времени, «сознание этой эпохи...»

На Кавказ Толстой отправился в поисках смысла жизни, положительного идеала. В Чечню он приехал 30 мая 1851 года и практически сразу окупился в самую гущу жизни чеченцев и казаков, завел среди них друзей. Анализ дневника и писем этого периода его жизни (он прожил в Чечне до января 1854 года) убеждает нас в том, что Толстой постоянно стремился «понять духовный строй жизни местных народов», их нравы и обычаи, вынести собственные впечатления о них.

«... Приехал Садо, я ему очень обрадовался», — записывает он в дневник 25 августа 1851 года, то есть на третий месяц по приезде в Чечню. «Часто он доказывал мне свою преданность, — писал Толстой об этом человеке с Кавказа, — подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием».

Однажды молодой граф проиграл в карты своему сослуживцу 500 рублей серебром и вынужден был обратиться к родственникам в Россию за поддержкой. Но не прошло и нескольких дней, как Садо Мисирбиев отыграл эти деньги и вернул их Толстому.

Лев Толстой и Садо Мисирбиев, охотясь, наткнулись на группу всадников, и они попытались пленить Толстого. Мисирбиев, сообразуясь с кодексом чести че-

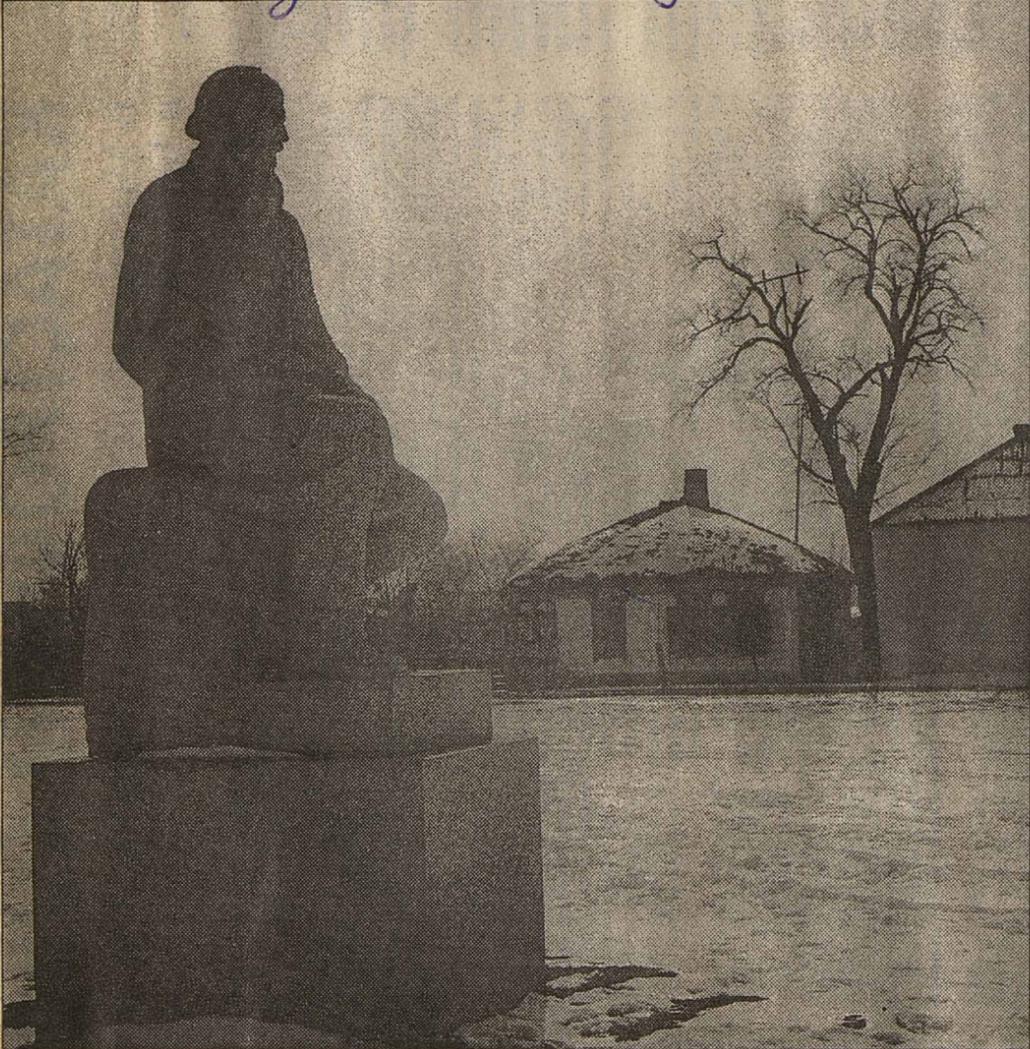
Хасан Туркаев — профессор, доктор филологических наук.

К 150-летию приезда Льва Толстого в Чечню

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ ХАДЖИ-МУРАТА

Русский граф записывал чеченские тексты со слов своих друзей-горцев

Независимая газ. — 2001. — 1 июня. — с. 16

Памятник Льву Толстому в станции Старогладковской в Чечне. Фото из альбома «Чечено-Ингушетия».

ченцев, когда хозяин даже ценой своей жизни обязан обеспечить неприкосновенность гостя, отстоял Толстого.

Дневниковая запись от 4 сентября 1851 года гласит: «Ко мне приехал брат с Балтою». И там же: «Завтра — в Хамагат Юрт: постараюсь внушить им уважение». И новая запись, от 20 марта 1852 года: «После обеда писал, пришел Дурда...» По убеждению Толстого, именно в уважении была заложена возможность лучше познать друг друга. Эта дружба, постоянные поездки по Чечне, Дагестану и в Тифлис, записи устного народного творчества горцев во многом прояснили ему особенности кавказского уклада жизни, позволили проникнуть в мечты и идейные поиски народов, отстаивавших свою свободу и независимость.

Размышления Льва Николаевича Толстого о судьбе горцев и вообще о человеке, занятом «несправедливым и дурным делом — войной», легли в основу кавказского цикла его творчества («Набег. Рассказ волонтера», «Рубка леса. Рассказ юнкера», «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный», «Записки маркера», «Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт»). Пушкин и Лермонтов преподнесли дух горцев как неукротимый и свободолобивый («Тазит», «Мцыри»). Толстой привнес в русскую литературу образы военных, на которых отрезвляюще действовала новая общественно-политическая среда. Если раньше в Кавказской войне они видели романтику, возможность отличиться, сделать быструю карьеру, то теперь, находясь много лет подряд в военных походах, они увидели ее будничную сторону, жестокость и никчемность. Таково же было и настроение рядовых русских солдат.

Старик-чеченец, оставшийся в ауле, уверен, что с ним ничего плохого не случится. «Что мне

русские сделают? Я старик», — говорит он русским солдатам. Его отношение к жизни, к людям удивительно схоже с принципом жизни рядового Веленчука: «Он жил слишком честно и просто», — говорит писатель. В чувствах и настроении рядовых горцев и рядовых солдат Толстой уловил отращивание к войне, стремление жить мирной и честной жизнью.

«Что за вздор и путаница? — думал он (Оленин. — Х.Т.) — ... Человек убил другого и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости...» («Казаки»).

Большую ценность имеют работы Толстого по сбору устного творчества народов Северного Кавказа. В 1852 году он записал русскими буквами две чеченские народные песни — со слов Садо Мисирбиева и Балты Исаева. Несомненно, это не единственные песни, которые записал от своих друзей-чеченцев Лев Толстой. Можно предполагать, что писатель просил их в ходе переписки, после своего отъезда из Чечни, сообщить ему новые данные по фольклору и этнографии чеченцев. «Ваши письма Лев Николаевич, — пишет Балта Исаев через три года после отъезда Толстого в Крым, — поздравляю Вас с полученными чинами и орденами, которые Вы заслужили в такое короткое время. Желал бы от души когда-нибудь еще с Вами встретиться. Я в Севастополь к Вам написал 4 письма, но не знаю, получили ли Вы хотя одно... Судя по содержанию письма, в котором упоминается и Садо, между Львом Толстым, Садо и Балтой были непринужденные, дружеские отношения.

Письма друзей, сослуживцев, знакомых постоянно обновляли в памяти Толстого величественный образ Кавказа. Он постепенно накапливал свои знания о нем, изучал историческую и художест-

венную литературу. Прочитав поэму Лермонтова «Измаил-Бей», Толстой записал 9 июля 1854 года в свой дневник: «... Я нашел начало «Измаил-Бей» весьма хорошим. Может быть, это показалось мне более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно, хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

Много лет спустя Толстой еще раз подтвердил свое отношение к фольклору чеченцев. В 1875 году он пишет Афанасию Фету: «Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я увивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев, и сокровища поэтические необычайные... Нет, нет и перечитываю...»

«Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой» и «Высохнет земля на могиле моей» — две чеченские песни, которые позднее Толстой ввел в повесть «Хаджи-Мурат» (1896–1904). Вспомним: по просьбе Бутлера переводчик пересказывает ему содержание песни, исполненной Ханефи, названного братом Хаджи-Мурата. Вот этот текст: «Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастет кладбище могилой травой, заглушит трава твою горе, мой старый отец. Слезы высохнут на глазах сестры моей, улетит и горе из сердца ее. Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня, и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной...» Хаджи-Мурат всегда слушал эти строки с закрытыми глазами и, когда мелодия кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорил: «Хорош песня, умный песня».

Интерес Толстого к горской песне был глубок и постоянен. Он восхищался силой чувств, заклю-

ченных в горском фольклоре. «Особенно трогательна была для него (Ерошки. — Х.Т.) одна тавлинская песня. Слов в ней было мало, но вся прелесть ее заключалась в печальном припеве: «Ай! Дай! Далалай!». Ерошка перевел слова песни: «Молодец погнал баранту из аула в горы, русские пришли, зажгли аул, всех мужчин перебили. Всех баб в плен побрали. Молодец пришел из гор: где был аул, там пустое место. Матери нет, братьев нет, дома нет; одно дерево осталось. Молодец сел под дерево и заплакал. Один, как ты, один остался, и запел молодец: ай, дай! Далалай!» И этот завывающий, за душу хватающий припев старик повторил несколько раз».

Толстой использовал народные песни для передачи психологического состояния героев в трагические минуты их жизни. «Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздались странные звуки заунывной песни... Ай! Дай! Да-ла-лай... Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтоб избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колени с коленом, приготовили ружья и запели предсмертную песню...» Так органически вплелись в ткань произведения писателя национальный мотив и народная сила.

Кавказ сильно повлиял на жизнь Льва Толстого. «Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда... Это было и мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, как в это время... И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением». (1959 г.)

Дружба Льва Толстого с чеченцами осталась в их благодарной памяти как момент исторической истины, когда русским графом были поняты и искренне оценены их дух и национальная открытость. Особое благовоенное отношение к Толстому сохранилось у чеченского народа и по сей день. Многие поколения чеченцев, осмысливая наследие Толстого, впитали в себя всю мощь неизбывной духовно-нравственной энергии его произведений, прочитанных ими не только на русском, но и на родном языке еще в 30-е годы XX века: и кавказский цикл писателя, и его детские рассказы стали для нас хрестоматийными.

И сегодня наш народ гордится тем, что именно Лев Толстой заложил основы русско-чеченских историко-культурных связей. С его легкой руки эти связи в последующую эпоху приобрели системный характер: две культуры взаимообогатились. Именем Льва Толстого в Чечне были названы улицы, скверы и села. Ему были воздвигнуты памятники, открыты музеи. Его именем был назван Чеченский государственный университет, и в сквере университета был поставлен памятник Толстому. Он, к сожалению, как и университет, разрушен военными действиями в Грозном.

В станции Старогладковской в Чечне уцелел Дом-музей Льва Толстого благодаря мужеству его директора Хусейна Загубова, который неоднократно вступал в перестрелку с теми, кто хотел уничтожить этот святой для чеченцев приют.

Многое разрушено... Но не в сердцах чеченцев. Они убеждены, что придет время, когда народ сегодняшней России пробудится и осознает так же, как его великий сын:

«... Война такое несправедливое и дурное дело, что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести...»